

УДК 165.17

Мотовникова Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и теологии
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ
АСИММЕТРИЯ (КОНТУРЫ СПОРА
В.С. СОЛОВЬЕВА
И Н.Н. СТРАХОВА) [1]**

Аннотация:

В статье излагаются результаты авторского исследования, предпринятого в области предпосылочных оснований спора крупнейших русских мыслителей В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова, предметом которого была оригинальность концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Особое внимание обращено на ценностно-эпистемологическую асимметрию, которая возникла в ходе этого спора и отчетливым образом проявилась в его стилистических контурах.

Ключевые слова:

В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов, русская философия, философская публицистика, герменевтика, эпистемологическая асимметрия, эпистемологический стиль.

Motovnikova Elena Nikolayevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Philosophy and Theology Department,
Belgorod State National Research University

**THE EPISTEMOLOGICAL ASYMMETRY
(THE OUTLINES OF THE POLEMICS
BETWEEN V.S. SOLOVIOV
AND N.N. STRAKHOV) [1]**

Summary:

The article presents some results of the author's research undertaken in the field of the preconditions of the polemics between two major Russian philosophers: V.S. Solovyov and N.N. Strakhov. The subject of this polemics was an original conception of cultural-historical types created by N. Danilevsky. Special attention is paid to the epistemological asymmetry, which arose in the course of the dispute and manifested itself in its stylistic framework.

Keywords:

Nikolai Strakhov, Vladimir Solovyov, Russian philosophy, philosophical journalism, hermeneutics, epistemological asymmetry, epistemological style.

Спор о концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, состоявшийся между В.С. Соловьевым (1853–1900) и Н.Н. Страховым (1828–1896), – одно из самых крупных и досадных недоразумений в истории русской философии. Теперь хорошо известны фактические перипетии этого спора и вполне прояснена его фабула – обвинение Н.Я. Данилевского (1822–1885) в концептуальном, а то и дословном плагиате у немецкого историка Г. Рюккерта (1823–1875) [2, р. 61, 63, 65, 66; 3; 4; 5].

Стороной обвинения стал В.С. Соловьев, стороной защиты – Н.Н. Страхов. В этом споре не было победителей. Вспыхнув в 1888 г., этот спор был прерван со смертью Н.Н. Страхова в 1896 г., но не был прекращен по существу. Оставшийся без оппонента В.С. Соловьев утвердил свою уничижительную точку зрения на предмет спора и на своего покойного оппонента вполне директивно, закрепив ее в памяти своих учеников, которые, в свою очередь, оставили соловьевские оценочные суждения в своих работах, в том числе масштабном энциклопедическом издании Брокгауза и Евфрона [6; 7]; крупным исключением был разве что А.Ф. Лосев [8, с. 66–69, 310–313, 315–318].

Положение каждого из участников спора – признанных интеллектуалов своего времени – заставляет недоумевать всех, кто вникает в его историю. Спора этого не должно было быть. Он начался со стороны В.С. Соловьева и происходил как «странность» (А.Ф. Лосев), некий розыгрыш, игровая расправа с концепцией, автор которой уже не мог ему ответить, а затем и с ближайшим другом автора концепции и близким товарищем самого Соловьева – мыслителем, годившимся ему в отцы, остро рациональным и нравственно щепетильным философом. Со стороны Н.Н. Страхова этот спор с дерзким, молодым и модным интеллектуалом, пусть и искусным в своих полемических построениях, был своего рода потерей лица. Аргументативная структура этого спора не менее странна: Соловьев допускал в нем простые уловки и делал ошибки логического характера; Страхов, не решаясь на прямое порицание вдруг проявившейся ученической небрежности оппонента, аргументировал к точности перевода, которую не соблюдал Соловьев, и т. п.

Спора этого не должно было быть, но он состоялся. Его исследование, как мы полагаем, требует особого внимания к его смысловой возможности, тем ценностно-эпистемологическим контурам, в которых он возник и никак не прекращался.

Le style c'est l'homme. За сто лет до начала этого спора умер Ж.-Л. Леклерк де Бюффон (1707–1788), автор фразы *le style c'est l'homme* (стиль – это человек), полюбившейся в скептическом XIX столетии людям самого разного умственного и жизненного склада, отчетливо сознававшим, что при всех обретениях и утратах, которые случаются с каждым, остается в качестве неотменяемой жизненной, или «стилистической» величины сам человек. «Стиль же – это сам человек: стиль нельзя изъять, похитить, исказить... Прекрасный же стиль прекрасен лишь благодаря бесконечному числу воплощаемых им истин» [9]. Познавательное разнообразие жизненных занятий Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева вполне описывается при помощи того понимания стиля, которое было предложено Бюффоном.

Н.Н. Страхов, подобно Бюффону, был математиком и естествоиспытателем, автором новаторской диссертации [10] и десятков переводов научных и философских книг, знал цену хорошему литературному слогу и стремился мыслить и говорить разнообразно и целостно, не теряя из виду перспективу истинного знания и логически точного слова. Склонный к стилистическим вольностям и, особенно в молодые годы, к стилистическому карнавалу, Страхов *не играл в стиль* – он стремился обходиться в своей стилистической игре без умозрительной напраслины, «без свиста»; его обращение к стилю последовательно герменевтично [11].

Стилистическая размерность познавательного опыта В.С. Соловьева была иной. Еще Н.Я. Данилевский в своем критическом отзыве 1885 г. на теократическую идею, высказанную Соловьевым, указывал на ее самодовлеющий стилистический схематизм: «г. Соловьев – человек, без сомнения, с философским направлением ума. Качество довольно редкое и очень ценное, но, однако же, как и всякое умственное и даже как и всякое нравственное качество, имеющее и свои слабые стороны, заставляющее впадать в пороки своих добродетелей. Опыт нам показывает, что главный недостаток или порок философствующих умов, то есть метафизически философствующих, есть *склонность к симметрическим выводам* (курсив наш. – Е.М.). При построении мира по логическим законам ума является схематизм, и в этих логических схемах все так прекрасно укладывается по симметрическим рубрикам, которые, в свою очередь, столь же симметрически подразделяются. Затем находят оправдание этому схематизму в том, что будто бы он ясно проявляется в объективных явлениях мира. <...> Вот эту-то любовь к симметрически схематической троичности заметил я и у нашего многоуважаемого автора и подозреваю, что именно она прельстила, соблазнила, подкупила его...» [12].

Спор Страхова и Соловьева эпистемологически с самого начала есть стилистическое разногласие, конфликт «эпистемологических стилей» (Б.И. Пружинин), за каждым из которых – разные смысловые миры.

Низкий жанр. Концептуальные разработки Н.Я. Данилевского и в самом деле схожи с тем, что предложил Г. Рюккерт; но в низком жанре спора дело не идет о выявлении смысловых сходств или смысловых разниц, нет никакого плодотворного взаимного прояснения «случая Рюккерта – Данилевского» (типичного повтора – *inventio*, познавательное значение которого хорошо известно в современной археологии культуры). Стилистическая «разноголосица» (Н.Н. Страхов) не принесла особой пользы ни одной из обсуждаемых концепций, но оказалась герменевтической коллизией, конфликтом в области предельных жизненных смыслов.

К.В. Мочульский, биограф Соловьева, характеризуя его как спорщика, отмечал, что «у Соловьева темперамент бойца, страстная убежденность, нравственный пафос, праведный гнев. Борьба его вдохновляет: он наносит жестокие удары и как будто любит их силой и меткостью. Его холодная беспощадность и непогрешимая ловкость производят иногда тягостное впечатление. Он действует во имя христианской любви, но в нем есть какое-то нездоровое упоение разрушением» [13].

Первичный полемический настрой Соловьева был почти академичен: «Приятель мой Страхов готовит 4-е издание “России и Европы” Данилевского. Мой взгляд на это сочинение диаметрально противоположен взгляду Страхова, и я готовлю обстоятельный разбор “России и Европы” с присоединением некоторых замечаний и о “Дарвинизме” того же автора. Я хотел было назвать свою статью “Философия пустых претензий”, но из уважения к памяти Данилевского, который в других отношениях был почтенный и разумный человек, перемену заглавие» [14, с. 32]. В.С. Соловьев попросил М.М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», в котором публиковалась его статья, одну из двух корректур статьи прислать Страхову: «Все дело здесь исключительно в личных отношениях. Я хотел только предоставить Страхову смягчить выражения, оскорбительные (буде он найдет такие) для памяти Данилевского, к которому он благоволит. Я этого чувства не разделяю, но не желал бы слишком оскорблять его ради старых приятельских отношений к Страхову. Впрочем, кажется, ничего обидного для Данилевского лично в моей статье не находится. Может быть, смягчу что-нибудь сам...» [15, с. 34]. Но корректура Страхову так и не была отправлена.

Прочитав соловьевскую статью уже опубликованной в книжке журнала, Страхов, благоволивший молодому таланту Соловьева, недоумевал: «Соловьев пишет мне, что Стасюлевич не захотел моего посредничества, и статья явилась в № 2 Вестн. Европы, миновав мои руки. Это мне досадно. <...> А если бы я раньше знал статью Соловьева, то, может быть, и помешал бы хотя немножко ее безобразию. Какой зыбкий ум! Еще раз я убеждаюсь, что он неспособен понимать действительность и даже понимать книгу, которую разбирает. Он всегда носится на сто верст выше того предмета, о котором говорит, и ничего в нем не видит. <...> Но теперь он (Соловьев) написал такую бестолковщину, которая даже понизила мое уважение к его уму. “Россия – европейская нация” – в одном месте, а в другом: “Русские – один из полудиких народов востока”. Да вообще, разве можно доказывать темы [чисто] общеотрицательные? – Буду писать ему, хотя чувствую, что столкнуться нет почти возможности» [16, с. 365–366].

С течением времени полемическая безапелляционность Соловьева становилась все заметнее, оскорбительнее: «...нельзя оставить без ответа искусное литературное... моего старого приятеля», поскольку «в последнее время и в известных кругах Страхов стал пользоваться чуть ли не авторитетом, и изобличить его восточные грехи дело, по моему, не бесполезное» [17, с. 39–40]. Или: «Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной, несколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати изругал его как последнего мерзавца, но это несколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений» [18, с. 118]. «Мне *может быть* придется на днях просить у Вас нескольких страниц в *хроническом отделе Ноябрьской* книги для моего ответа помешавшемуся от злобы Страху. <...> Вы меня очень обяжете, напечатавши у себя, так как оставить кажущуюся победу за моим другом-скорпионом было бы мне неудобно» [19, с. 45–46].

Самому Страху Соловьев пишет: «В этом споре из-за России и Европы последнее слово, во всяком случае, должно остаться за мной – так написано на звездах. Не сердитесь, голубчик Николай Николаевич, и прочтите внимательно следующее объяснение. Книга Данилевского всегда была для меня *unpeneßbaг* (буквально “несъедобной”. – *Е.М.*)... Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной страсти Николая Николаевича Страхова, а через то бывшая и мне до некоторой степени любезною, вдруг становится специальным кораном всех *мерзавцев и глупцов*, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. *Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы лучше его поджечь*» [20, с. 167]. Страхов, втянутый своим молодым, «нахрапистым» *l’ami-cochon* (другом-свиньей) в низкий жанр спора, с трудом удерживал себя в его игровых рамках; но ему был дорог труд Данилевского, как и важно было распутать полемические упреки вдохновенного, уверенного в своей правоте оппонента. Но постепенно пришло разочарование: «Мне уже не верится ни в его ум, ни в искренность. Я в глаза несколько раз называл его лукавым в приемах и выражениях, и он или не мог ничего ответить, или отвечал – мне так нужно было сделать. Когда я подумаю, что он ничего не знает основательно, что он вовсе не способен понимать правильно книгу или человека (о Достоевском, о России и Европе, обо мне – он писал и говорил что-то вовсе постороннее, неверное, неясное), что он постоянно только выкидывал фокусы для того, чтобы поразить читателей и слушателей и выставить себя – таковы были и его лекции в Университете и его статьи и публичные лекции, то, несмотря на его удивительные способности, я начинаю видеть в нем актера, а не мыслителя и писателя, да и актера чем-то одурманенного <...> В лжи нет никакого спасения, и от лжи ничего кроме вреда не может произойти. Только искренний и добросовестный человек может сделать что-нибудь полезное. Пользоваться тем хаосом и противоречием, которое царит в России в умах и сердцах, значит увеличивать этот хаос, поддерживать его» [21, с. 368–370]. «Что меня возмущало у Соловьева – это то, что он не взял вопроса в полноте (а для этого не было лучшего случая, как книга Данилевского), что он вовсе и не подумал о значении народности в жизни людей. <...> Он ссылается на свои обязанности к Богу, а потому и разрешает себе не соблюдать никаких обязанностей к Данилевскому или ко мне» [22, с. 373].

Смысловая асимметрия. Весь спор Н.Н. Страхов вел в поисковом, философском ключе. В.С. Соловьев, наоборот, уже с начала спора знал, как должно быть; его стиль – «стиль уверенности», уверенного в своей победе интеллектуального игрока. «Это не философский стиль, но и не стиль фанатичный, потому что привлекательная черта фанатического стиля – обиженность, фанатик борется с бесконечно сильнеешим и неодолимым...» [23, с. 56]. Н.Н. Страхов со своей установкой на истину остался бы цел, даже если бы втянулся в жесткую эристику. Но, теряя лицо, Страхов все же оставался собою – мыслителем аналитического, герменевтического стиля мышления. Встретив серьезного оппонента, он старался перевести спор в дискуссию, потому что целью всех его многочисленных философских исследований и разговоров всегда было всесторон-

нее освещение самого спорного вопроса, приближение к истине в отношении предмета исследования. Убедившись, что В.С. Соловьева истина в данном случае вовсе не заботила, он, конечно, должен был выйти и вышел из разговора.

Одно из последних соловьевских признаний-розыгрышей: «Примирение же со Страховым я видел только во сне. Когда увижу наяву, то подумаю, не наступил ли мой смертный час» [24, с. 127]. Формальное личное примирение Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева состоялось незадолго до смерти Страхова, но оно никак не изменило смысловой, ценностно-эпистемологической асимметрии их долгого спора.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13–03–00336 «Концептуальный каркас культурно-исторической эпистемологии и современные тенденции в методологии гуманитарных исследований».
2. McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // *The American Slavic and East European review*. 1955. Vol. 14, № 1. P. 59–66.
3. Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosphil.ru/ru01/danilevsky/danilevsky_index.htm (дата обращения: 21.06.2015).
4. Фатеев В.А. В Страхове я вижу миниатюру современной России: полемические заметки об отношениях Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2010. Т. 11, № 1. С. 111–128.
5. Мотовникова Е.Н. Н.Н. Страхов – В.С. Соловьев: к основаниям полемики 1888–1894 гг. // *Экономика. Общество. Человек : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования»*. Ч. 2: Традиции и современность: духовное наследие Владимира Соловьева / науч. ред. проф. Е.Н. Чижова. Белгород, 2014. Вып. XXI. С. 95–112.
6. Страхов Николай Николаевич (писатель) // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXXIа. С. 783–787 [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_\(писатель\)](https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_(писатель)) (дата обращения: 21.06.2015).
7. Лосский Н.О. Вырождение славянофильства // Лосский Н.О. *История русской философии*. М., 1991. С. 97–100.
8. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
9. Бюффон Ж.-Л. де. Речь при вступлении во Французскую Академию (*Discours sur le style*) [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 13. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM> (дата обращения: 21.06.2015).
10. Шило Е.И. О первом научно-мировоззренческом опыте Н.Н. Страхова [Электронный ресурс] // *Научный результат*. Сер.: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 71–77. URL: http://rr.bsu.edu.ru/images/issue2/soc_gum/selection%20%287%29.pdf (дата обращения: 21.06.2015).
11. Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпиграфии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» [Электронный ресурс] // *Вопросы философии*. 2009. № 5. С. 125–132. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=19 (дата обращения: 21.06.2015).
12. Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев о православии и католицизме [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/danilevskij_n_j/text_1885_vladimir_soloviev_o_pravoslavii.shtml (дата обращения: 21.06.2015).
13. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html> (дата обращения: 21.06.2015).
14. Соловьев Вл. Письма : в 4 т. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Петроград, 1923.
15. Там же.
16. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. Т. II / предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского ; Толстовский музей. СПб., 1914.
17. Соловьев Вл. Указ. соч.
18. Там же.
19. Там же.
20. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и литературные деятели 80-х годов (А.А. Фет, И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов) / Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение // *Литературная учеба*. 1987. № 4. С. 164–168.
21. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым ...
22. Там же.
23. Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // *Бахтинский сборник* / под ред. В.Л. Махлина. Саранск, 2000. Вып. IV. С. 56–57.
24. Соловьев Вл. Указ. соч.